

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.76

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.55-68

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ (ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА ПАНДЕМИИ)

О.А. Колоткина, И.Д. Ягофарова

*Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург,
620144, Россия*

Аннотация

Процессы глобализации охватили все сферы общественной жизни и придали многим явлениям современности как положительные, так и отрицательные черты. Одной из новых мировых тенденций стало масштабное распространение вирусных инфекций, которые оказали прямое воздействие на экономику, политику, систему управления большинства государств. Отмечается, что в период пандемии многие страны, включая Россию, вводили жесткие ограничения права на передвижения, свободу слова и т. д. с целью предотвращения дальнейшего распространения инфекции и этот факт активно дискутировался как в научном сообществе, так и среди юристов-практиков. Проведенный анализ зарубежного и российского опыта пандемийного периода дает основания говорить о необходимости нормативного закрепления нового понятийного аппарата, а также формирования перечня возможных и необходимых мер, которые могут вводить органы государственной власти в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Сделан вывод о необходимости конкретизации определенных положений законодательства в части уточнения оснований для ограничений прав и свобод человека в период эпидемий вирусного характера.

Ключевые слова: ограничения прав и свобод человека, правовой статус, пандемия, национальная безопасность, основания ограничения прав и свобод человека

Провозглашение и закрепление прав и свобод человека, вне всякого сомнения, являются неотъемлемым условием правопорядка и торжества демократических устоев современного мироустройства. Дискуссионным остается лишь вопрос содержания базового перечня прав и свобод. Также общепризнанными представляются необходимость и целесообразность ограничительных мер в отношении некоторых прав и свобод человека. Сущностные характеристики, цель и пределы ограничений прав и свобод предметно анализируются в правовой литературе. Их ограничение преимущественно рассматривается как экстраординарная мера, результатом применения которой является временное приостановление возможности субъекта пользоваться своими правами в целях обеспечения защиты интересов общества и государства [1, с. 13].

В современной юридической науке и практике отсутствует единое и универсальное понимание ограничения прав и свобод человека. Исследователи рассматривают обозначенную категорию с различных позиций, пытаясь выработать

наиболее подходящее определение, но так или иначе все позиции опираются на значение, которое содержится в Конституции РФ. Это в большой степени ограничивает понимание философской сущности изучаемой категории.

По мнению В.И. Гоймана, ограничение права представляет собой значительное сокращение его объема в соответствии с положениями законодательства [2, с. 26–27]. Но в данном случае не предусмотрены варианты умаления определенных возможностей человека, что предполагает не просто сокращение объема права, но и его полное лишение. Также дискуссионной является трактовка ограничения прав и свобод, предложенная А.С. Мордовцем, который видит в ограничении стимул к реализации социально-полезного поведения. Однако и приведенное понимание представляется узким, поскольку акцент делается на субъективной стороне поведения субъекта без учета иных факторов [3, с. 17]. Более того, стоит признать, что не все субъекты воспринимают ограничения как основание для положительного поведения, о чем красноречиво свидетельствует правоприменительная практика.

Важно отметить, что значительная часть теоретиков рассматривает ограничение права как реализацию охранительной функции. К примеру, Н.В. Макарейко считает, что степень ограничений прав человека является наиболее ярким показателем правовой государственности [4, с. 8]. А.В. Малько видит в ограничении оборотную сторону стимулов, которые могут быть эффективными только в результате установления их баланса с ограничениями [5, с. 39–40].

Также надо указать на то, что некоторые исследователи считают ограничения прав обязательным и неотъемлемым элементом правоприменительной практики административных органов [6, с. 74] и даже отдельно выделяют административно-правовые ограничения в отдельную отраслевую группу в силу их значимости и используемости в административной практике [7, с. 127].

Ограничение как особое средство воздействия на общественные отношения может выполнять несколько функций. Прежде всего, оно является основной формой государственного принуждения, в силу чего возможна реализация юридической ответственности, которая также представляет собой ограничение основных прав человека, в чем проявляется карательная функция ограничений. Кроме того, ограничения могут выполнять превентивную функцию, направленную на сдерживание распространения определенных угроз или неправомерного поведения субъектов. Помимо этого, ограничение носит стимулирующий характер, заставляя государства разрабатывать меры реагирования на нестандартные ситуации, которые могут появиться в будущем. Но при этом надо учитывать положения конституционного законодательства, которое четко устанавливает предельность ограничений путем обозначения целей его введения, принципов установления и т. д. Также в Конституции РФ определен перечень прав человека, которые не подлежат ограничениям ни при каких ситуациях, они носят абсолютный характер, что в полной мере соответствует международным стандартам защиты прав и свобод.

Конституционные права и свободы человека представляют собой незыблемую основу правопорядка, о чем постоянно упоминает Президент РФ В. Путин в своих выступлениях. Признавая права и свободы человека высшей ценностью

(ст. 2 КРФ), государство признает и примат личных интересов над государственными [1, с. 13]. Именно поэтому любое ограничение рассматривается как исключительная мера, которая влечет за собой временное лишение субъекта возможности пользоваться своими правами.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что ограничения прав и свобод человека имеют своими пределами цели, направленные на соблюдение и обеспечение оптимума между интересами государства и личности. Кроме того, любое ограничение прав и свобод – это, скорее, исключение, чем правило.

В условиях глобализации государствам приходится отвечать на новые вызовы, представляющие угрозу для национальных интересов страны в целом и правового статуса личности в частности. В последние несколько лет мир столкнулся с вирусными инфекциями, которые отличаются от иных своей скоростью, масштабами и последствиями распространения.

Пандемия, по мнению многих специалистов [8, с. 70], встала в один ряд с наиболее страшными испытаниями. Однако если к техногенным, климатическим катастрофам мир уже «привык», то вирусная пандемия «открыла» новые грани бедствия, для противодействия которому нет определенных инструментов, несмотря на то что она охватила практически все страны мира. Особенность угроз, связанных с вирусными инфекциями, заключается в том, что они затрагивают в первую очередь здравоохранение, но далее распространяются на социально-экономическую, политическую, идеологическую сферы жизнедеятельности. Г.В. Романовский относит пандемию к «гибридным угрозам», представляющим собой комплексное явление, сопряженное с рядом проблемных вопросов в различных сферах деятельности и охватывающее обширную часть земного шара. Гибридная угроза приводит к негативным изменениям в экономике государства (к примеру, в Китае в результате ковидной инфекции впервые за долгое время был зафиксирован спад экономического развития), политике (можно вспомнить массовые забастовки в Европе в результате ограничительных мер со стороны государства), сфере управления (переход на дистанционные формы взаимодействия граждан и государственных органов) и т. д. [9, с. 35].

Именно в пандемийный период актуализировалась проблема законности ограничения прав и свобод человека. Анализ этого сложного для многих стран периода показал, что большинству из них пришлось отступить от устоявшейся модели либерального государства, где интересы и потребности личности находились на первом плане. Государства были вынуждены использовать авторитарные методы правового воздействия, в результате которых на определенные права и свободы налагались существенные ограничения. Ограничениям подверглись право на передвижение, право на труд, право на получение достоверной информации, право на образование и многие другие. Упомянутый факт вызвал волну возмущения среди населения и привлек внимание научного сообщества и юристов-практиков, поскольку обнаружились абсолютно новые обстоятельства, требовавшие введения ограничительных мер, и сложился новый механизм ограничительного воздействия, что до сих пор является дискуссионным [10, с. 4–6; 11]. Специалисты обсуждают вопрос законности подобных действий и приоритета ценностей: можно ли было обойтись без вышеупомянутых мер или же это было

необходимо в целях обеспечения общественной безопасности? Единообразия при ответе на этот вопрос не существует.

Закрытия границ, введения карантинных мер по ограничению социальных контактов и даже объявления локдаунов (то есть национальной изоляции) не избежали многие страны мира. Наиболее строгими ограничения были в Италии, Франции, Германии, Индии, Китае и др., менее строгими – в Великобритании, России, Беларуси и др. [12, с. 6]. Общей тенденцией для большинства государств стало перераспределение баланса сил в пользу исполнительной власти, что довольно закономерно. Быстро меняющаяся ситуация с пандемией требовала срочных ответных мер, которые часто были бы невозможны в рамках «традиционных» (более длительных) законодательных процессов [13, с. 20].

В России также рассматривались различные варианты введения ограничительных мер в связи с пандемией. Положения Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (3-ФКЗ) содержат четкий алгоритм действий, разрешающих вводить ограничения прав и свобод человека в условиях чрезвычайного положения, что вполне соответствовало ситуации 2020 г. Однако, по мнению ряда исследователей [14, с. 33], власти отказались от применения упомянутого закона в силу его негибкости. Особенностью распространения инфекции по территории России была ее неравномерность, что требовало введения ограничительных мер различного уровня и жесткости с учетом сложившейся ситуации в регионах. Стоит отметить, что в литературе велись дискуссии относительно сложности применения положения 3-ФКЗ в ситуациях, возникших в силу эпидемий, вирусных инфекций и т. п. [15, с. 56].

За минимально короткий промежуток времени в России был выработан абсолютно новый правовой режим – режим повышенной готовности. Для этого были внесены изменения в ФЗ от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (68-ФЗ). Внесенные изменения предоставили органам государственной власти всех уровней широкий объем полномочий в целях принятия локальных мер ограничительного характера. Помимо этого, согласно Указу Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 (УП 239), главы субъектов РФ были наделены комплексом прав на разработку и внедрение ряда ограничительных мер, виды которых зависели от ситуации в каждом конкретном регионе, менялись и дополнялись по мере необходимости. Но практически везде был введен особый порядок передвижения по территории конкретного субъекта РФ с учетом санитарно-эпидемиологической ситуации, что и вызвало массу сложностей и недовольства со стороны населения.

Режим повышенной готовности был введен в преобладающем большинстве субъектов России к середине марта 2020 г. Если изначально в условиях режима повышенной готовности населению лишь рекомендовалось оставаться дома, то в течение всего нескольких недель рекомендация стала обязанностью, за невыполнение которой следовало наложение санкций, в первую очередь – штрафов. Некоторые субъекты РФ, где действовала наиболее жесткая «антиковидная» политика, пошли даже на введение системы контроля за перемещениями граждан. Так, к примеру, в Татарстане действовала пропускная система «Цифровой гвар-

деец»; в Москве, Московской и Нижегородской областях – коды, состоящие из цифр и букв (QR-коды); в Липецкой области – телеграм-бот [16, с. 63].

В целом законодательство, вводившее ограничительные меры, направленные на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, вызвало неоднозначную реакцию. Некоторые граждане посчитали, что проводимые государством мероприятия незаконно ограничивают права и свободы, гарантированные им Конституцией РФ. Это привело к большому количеству судебных обращений, направленных против органов исполнительной власти субъектов с намерением запретить им ограничивать права и свободы человека и гражданина [17, с. 55]. Практика решения подобных дел неоднозначна.

Стоит подчеркнуть, что подобные ситуации имели место не только в России. Многие европейские государства, относящиеся к высокоразвитым и демократическим, в условиях распространения пандемии столкнулись с беспрецедентной «атакой» на выработанные многолетней практикой ценности, закрепленные в многочисленных актах о защите прав и свобод человека. И если сначала казалось, что меры борьбы с коронавирусом носят временный характер и далее все вернется в привычные рамки, то спустя год стало понятно, что традиционная система устоявшихся прав и свобод человека, а также признанные основания и цели их ограничений стали претерпевать существенные изменения.

Справедливость вышеизложенного подтверждает также и практика Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Там можно выделить новую категорию дел, которые массово рассматривались во время пандемии и касались ограничений прав и свобод именно в обозначенный период. Исследователи, занимающиеся анализом практики Европейского суда, отмечают, что в пандемию было подано рекордное количество жалоб. В большинстве своем заявители требовали признать действия властей нарушающими их права, что было связано, к примеру, с закрытием фитнес-клубов, ресторанов, запретом посещения государственных учреждений и т. д., требуя в связи с вышеизложенным возмещения морального вреда и компенсации затраченных средств.

Некоторые специалисты объясняют увеличение количества жалоб тем, что мировое сообщество давно не сталкивалось с эпидемиологической угрозой масштабного характера, поэтому многие государства, будучи не готовыми к такому повороту событий, стали спешно принимать законы, направленные на ограничение основных прав человека, касающихся передвижения, трудовых отношений, образования, медицинской помощи и т. д. Это было связано с «благим намерением» государств остановить распространение угрозы, пусть даже с помощью в определенной степени агрессивных методов.

Стоит отметить, что до сих пор ЕСПЧ не торопится выносить решения о признании действий правительства многих государств неправомерными. Однако определенная правовая позиция суда уже сложилась, что явно следует из решения дела «Фенек против Мальты», где заявителю было отказано в принятии жалобы по причине ее неприемлемости (Реш.ЕСПЧ1). Обосновывая свою позицию, суд исходил из того, что меры, предпринятые государством, были единственно возможными в условиях чрезвычайной ситуации и имели своей целью обеспечение защиты здоровья и интересов всего общества. Пандемия стала рассматриваться как осо-

бый случай, который в перспективе мог иметь непредсказуемые последствия, в силу чего требовалось принятие таких же исключительных мер временного характера. Таким образом, суд встал на позицию, согласно которой государством был предотвращен большой вред за счет минимальных потерь. Аналогичным является и решение ЕСПЧ по делу «Замбрано против Франции» (Реш.ЕСПЧ2). Принятые меры ограничительного характера были соразмерны возможным последствиям. Необходимо отметить, что принципы соразмерности, пропорциональности и обоснованности являются наиболее часто используемыми в практике установления ограничений прав и свобод для предотвращения угрозы государству и обществу.

На экспертном уровне выработана достаточно справедливая точка зрения по обозначенному вопросу. Дж. Гроган настаивает на том, что пандемия выявила острые проблемы с реальным действием принципа верховенства права. Многие меры по борьбе с коронавирусной инфекцией были неопределенными в своем значении, произвольными в своем применении и имели сомнительную правовую основу [18, р. 365]. В целом ряде государств специализированный надзор за действиями властей был ограничен или вовсе отсутствовал, притом что принимаемые законы создавали опасность необратимого сдвига баланса сил в сторону исполнительной власти. Н.Т. Казальс констатирует, что, с одной стороны, законодательные инициативы соответствовали остроте ситуации, требуя немедленных действий для сохранения жизни и здоровья граждан, а с другой – риски злоупотребления чрезвычайными полномочиями со стороны правительств становились все более очевидными [19]. Можно заключить, что в условиях столь кризисной ситуации вопрос ограничения основных прав и свобод человека стал объектом пристального внимания, не имеющим однозначной оценки.

В России пандемия также вызвала необходимость применения комплекса принудительных мер ограничительного характера, использованных в отношении конституционных прав и свобод, что обоснованно поставило вопрос об их правомерности. Т.Я. Хабриева однозначно говорит о том, что в Российской Федерации, как и в зарубежных странах, меры борьбы с пандемией затронули, наряду с индивидуальными, и коллективные права человека. В той или иной степени были ограничены все категории прав – экономические, политические, социальные, личные, культурные [20, с. 7]. Не мог остаться в стороне от данной проблемы Конституционный суд РФ, Постановление которого от 25 декабря 2020 г. № 49-П стало знаковым (49-П). Основанием рассмотрения были меры, принятые Правительством Московской области и направленные на ограничение свободы передвижения граждан. Анализируя все обстоятельства, Конституционный суд РФ не нашел нарушений, поскольку введенные меры носили временный характер, предусматривали гарантии и всяческие компенсации. Суд исходил из того, что наиболее ценными являются жизнь и здоровье человека и для их обеспечения и защиты (а это является обязанностью государства) могут ограничиваться иные права и свободы. Иными словами, Конституционный суд РФ признал обоснованность и целесообразность «опережающего регулирования» ситуации с учетом приоритетности обеспечения безопасности и благополучия населения. Но потребовалось определенное время для осознания того, что упомянутые меры стали «барьером» для более пагубных последствий.

Многие исследователи поддерживают обозначенную позицию Конституционного Суда РФ, обосновывая это тем, что подобное «опережающее правовое регулирование» впоследствии было легитимировано правовыми актами федерального уровня и позволило избежать «драконовских» мер, направленных на более жесткие ограничения прав и свобод человека [21, с. 45; 2, с. 20]. По мнению Е.А. Соболевой, губернатором Московской области в подобной нестандартной ситуации было принято абсолютно верное, оправданное решение; оно обосновано намерением предотвратить больший вред, что впоследствии было признано судом правомерным в силу позитивной мотивации. Это решение не может расцениваться как нарушение или противоречие положениям Конституции РФ.

Согласно мнению М.Н. Шалберкиной, подобное решение Конституционного суда РФ выглядело как средство, направленное на усиление гарантий права на охрану здоровья, что, в свою очередь, ущемляло иные права человека [22, с. 84]. Однако стоит признать, что ограничения, введенные государством в 2020 г., носили характер вынужденных и неизбежных, но именно они смогли предотвратить более серьезные последствия. Население со временем осознало опасность происходящего, и со временем был достигнут определенный компромисс с административной властью, что позволило ввести в ежедневную практику требуемые административные предписания.

Что же касается режима чрезвычайного положения, то государство не стало его вводить, дабы не применять более жесткие меры, направленные не только на ограничение прав и свобод граждан, но и на их нарушение.

Но есть и иная позиция по оценке подхода, предложенного Конституционным Судом РФ. Так, ряд авторов отмечает, что правовое признание ситуативного нормотворчества органов публичной власти, получившего название «вируспруденция», опасно. В данном случае критерием его правомерности стало соответствие не действующему законодательству, а будущему закону, который должен будет появиться через неопределенное время. Тем самым создается абсолютно легальное основание для осуществления любых иных действий, направленных в том числе и на ограничение прав и свобод человека [23, с. 22]. Таким образом создан прецедент, дающий возможность использовать подобную практику в будущем. Ключевая проблема кроется в том, что судьи стали оценивать не факт пригодности данных мер в конкретной ситуации, а их соразмерность в узком смысле, что и вызвало дискуссии в правовом сообществе.

Таким образом, пандемия стала серьезной проверкой действия механизма ограничений прав и свобод человека. Это стало хорошим практическим опытом для оценки эффективности и реальности законодательства.

Для правильного и быстрого реагирования на подобные ситуации в будущем необходима трансформация правовой базы в сторону специализации законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», являющийся базовым в данном случае, не в полной мере соответствует целям противодействия вирусным эпидемиям. Он имеет массу преимуществ, но они в своем большинстве связаны с борьбой с природными и техногенными катастрофами.

Полученный во время пандемии опыт необходимо использовать уже сейчас, не дожидаясь повторения аналогичных ситуаций, путем закрепления на федеральном уровне понятий «карантин», «масочный режим», «режим самоизоляции»; указания того, кто, как и на какой период может вводить необходимые ограничения. Стоит подчеркнуть, что все упомянутые термины довольно активно употребляются на законодательном и подзаконном уровне, но при этом своего легального определения они не имеют. Это объясняется в том числе и тем, что по мере стабилизации ситуации стал постепенно снижаться интерес к обозначенной теме, многие меры стали для населения привычными. Мы все же считаем, что соответствующие нормы о «самоизоляции», «социальной дистанции» и т. д. должны появиться также и в тексте Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (52-ФЗ), поскольку в нем говорится о возможных мерах ограничительного характера. При этом необходимо помнить, что основания, условия введения ограничений прав и свобод установлены ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, где четко указано, что ограничения могут вводиться только федеральным законом, что полностью согласуется с п. «в» ст. 71, относящей регулирование таких прав и свобод к исключительному ведению Российской Федерации.

Стоит согласиться с Н.В. Варламовой, которая отмечает, что наделение чрезвычайными полномочиями является стандартным механизмом преодоления кризисных ситуаций, однако это должно быть направлено на защиту Конституции РФ, а не на подрыв ее основополагающих принципов. Для сохранения устойчивости всей правовой системы государства концептуальным основам права следует оставаться неизменными [24, с. 28].

Кроме того, проблемой является также и правовая неопределенность, касающаяся законодательной и правоприменительной практики, что выражается в нечеткой формулировке норм и неверной их интерпретации, а также, соответственно, и в применении. Отсутствие необходимой информации о вирусной инфекции не позволяло сформировать четкий план борьбы, поэтому предпринимавшиеся тогда действия носили в большинстве своем непредсказуемый и непоследовательный характер. Многие меры борьбы становились известны уже после их принятия, что не давало возможности к ним подготовиться. Для предотвращения подобных ситуаций в будущем необходимо обеспечить слаженность процесса взаимодействия органов власти. Прежде всего это касается правотворческой деятельности федеральной и региональных властей, поскольку разобщенность действий привела к слабому контролю за ситуацией во многих регионах. Выразилось это, к примеру, в отсутствии единого подхода к необходимости перевода работы компаний на удаленный режим, каждый субъект устанавливал собственные правила, что вызывало массу вопросов к целесообразности и обоснованности подобных мер.

В рассматриваемый период расширились полномочия исполнительной власти в сфере ограничений прав и свобод человека, что стало возможным на основе коллизионного законодательства. Это проявлялось в осуществлении контрольных мероприятий, привлечении граждан к мерам ответственности. Указанных действий возможно избежать путем обеспечения соответствия действий

исполнительных органов власти требованиям законности, пропорциональности и целесообразности, что будет способствовать укреплению доверия населения. Содержание указанных принципов также должно быть детализировано в законодательстве и правоприменительной практике.

Для противодействия популистским решениям и чрезмерным ограничениям необходимо установление контакта властей с представителями общественности. Диалог с гражданами поможет избежать многих ошибок, недоработок при создании нормативных актов и в практике их реализации.

Подобные кризисные ситуации являются проверкой эффективности законодательства, выявляя в нем пробелы и коллизии. В посткризисные ситуации государству важно переосмыслить полученный опыт, трансформировать собственное законодательство с учетом имеющихся обстоятельств и приобретенных знаний. Сравнение с зарубежной практикой преодоления пандемии также является основанием для обсуждения и возможного заимствования положительного опыта.

Для внесения необходимых изменений в законодательство требуется правовая определенность в вопросах разработки нормативной базы для взаимодействия органов власти, обеспечения их единообразия с учетом особенностей структуры законодательства. Важно закрепить правила и условия информирования населения, что будет способствовать координации совместных усилий. Полезным также является и зарубежный опыт, заключающийся в создании координационного органа для решения стратегических вопросов и принятия универсальных решений. Это сможет нивелировать противоречия между федеральными и региональными властями, будет способствовать предотвращению безосновательных и чрезмерных ограничений и разработке опережающего законодательства.

Современные процессы глобализации динамичны и связаны с массой положительных и негативных последствий, что отражается на правовом статусе субъектов. Государства должны быть готовы к чрезвычайным ситуациям различного рода и способны разработать методику оперативного реагирования законодательных и исполнительных органов власти на имеющиеся обстоятельства. Действиям органов власти необходимо быть согласованными и направленными на достижение баланса между публичными и частными интересами, что является условием прогрессивного развития государства в целом.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

КРФ – Конституция Российской Федерации (ред. от 6 окт. 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>, свободный.

Реш.ЕСПЧ1 – Информация о Решении ЕСПЧ от 23 марта 2021 г. по делу «Фенек (Fenech) против Мальты» (жалоба № 19090/20) // Кодексы онлайн. URL: <https://apkrfkod.ru/pract/informatsiia-o-reshenii-espch-ot-23032021-po-delu-fenek-fenech-protiv-malty-zhaloba-n-1909020/>, свободный.

Реш.ЕСПЧ2 – ЕСПЧ и ковид. Судебные споры из-за пандемии и ограничений. URL: <https://european-court-help.ru/espch-i-kovid-sudebnye-spory-iz-za-pandemii-i-ogranichenij/>, свободный.

49-П – Постановление Конституционного Суда РФ от 25 дек. 2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области “О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области”» // Рос. газ. 2021. 15 янв. (№ 6).

УП 239 – Указ Президента РФ от 2 апр. 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Рос. газ. 2020. 3 апр. (№ 72).

68-ФЗ – Федеральный закон от 21 дек. 1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собр. законодательства РФ (СЗ РФ). 1994. № 35. Ст. 3648.

52-ФЗ – Федеральный закон от 30 мар. 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

3-ФКЗ – Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

Литература

1. Агапов А.Б. Гуманизация, или Апология публичного принуждения // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 11–17. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-5-11-17>.
2. Гойман В.И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 1998. № 7. С. 20–43.
3. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина: теорет.-правовое исслед.: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. 384 с.
4. Макарейко Н.В. Административная ответственность в системе юридической ответственности // Административное право и процесс. 2019. № 12. С. 5–11.
5. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юрист, 2004. 248 с.
6. Ярковой С.В. Понятие и основные черты административной правоприменительной деятельности // Административное право и процесс. 2017. № 4. С. 73–76.
7. Кононов П.И. Современное административное право России: опыт системно-правовой характеристики // Рос. юрид. журн. 2018. № 1. С. 122–136.
8. Егорова М.А., Дюфло А., Шпаковский Ю.Г. Современные проблемы правового регулирования смягчения угроз для населения и бизнеса последствий пандемии коронавируса COVID-19 // Юрист. 2020. № 11. С. 69–74. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-11-69-74>.
9. Романовский Г.Б. 2019-nCoV как гибридная угроза системе прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 34–37. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-7-34-38>.
10. Гриценко Т.А., Козут В.Г. Соотношение понятий «право» и «свобода» в контексте исследования механизмов ограничения конституционных прав в период пан-

- демии // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 3–7. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2022-1-3-7>.
11. *Poorhashemi A.* How the Covid-19 crisis affects individual rights and freedoms. A New Crisis in International Law? // Global Research. 2021. Aug. 14. URL: <https://www.globalresearch.ca/global-decline-human-rights-conditions-new-crisis-international-law/5721095>, свободный.
 12. *Лунгу Е.В.* Влияние пандемии коронавируса на конституционные правоотношения // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 5. С. 3–7.
 13. *Денисова Е.Л., Борисова И.Д.* Ограничение принципа неприкосновенности частной собственности в период пандемии: сравнительный анализ // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 17–22. <https://doi.org/10.24412/2073-3305-2024-1-17-22>.
 14. *Брежнев О.В.* Проблема «антиковидных» правоограничений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы рос. права. 2022. Т. 17, № 2. С. 32–39. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.032-039>.
 15. *Пьянкова А.Ф.* Правовые основания введения в регионах России мер, препятствующих распространению новой коронавирусной инфекции // Закон. 2020. № 5. С. 53–59.
 16. *Агальцова М.В., Иманова Т.В. кызы.* Самоизоляция: анализ законности и конституционности антивирусных мер // Закон. 2020. № 5. С. 60–70.
 17. *Павликов С.Г.* К вопросу об ограничении конституционных прав (на примере предпринимательской деятельности в сфере цифровых технологий) // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 54–55. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-8-54-55>.
 18. *Grogan J.* COVID-19, the rule of law and democracy. Analysis of legal responses to a global health crisis // Hague J. Rule Law. 2022. V. 14, No 2. P. 349–369. <https://doi.org/10.1007/s40803-022-00168-8>.
 19. *Casals N.T.* Covid-19 and states of emergency // Global Challenges. 2020. No 1 (Spec. Issue: Politics of the coronavirus pandemic). Art. 4. URL: https://globalchallenges.ch/issue/special_1/covid-19-and-states-of-emergency, свободный.
 20. *Хабриева Т.Я.* Управление пандемическим кризисом на основе права: мировой и российский опыт // Журн. рос. права. 2021. Т. 25, № 2. С. 5–16. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.015>.
 21. *Соболева Е.А.* Региональное правотворчество в сфере защиты политических прав и свобод: возможности и пределы // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 43–49. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-43-49>.
 22. *Шалберкина М.Н.* Правовые проблемы разработки и внедрения механизмов защиты конституционных прав граждан в условиях пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы рос. права. 2022. Т. 17, № 10. С. 83–89. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.143.10.083-089>.
 23. Правовые итоги – 2020 / Алебастрова И., Рассказова Н., Савельев А. [и др.] // Закон. 2021. № 1. С. 19–40.
 24. *Варламова Н.В.* Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6 (139). С. 17–30. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-6-17-30>.

Поступила в редакцию 20.04.2024

Принята к публикации 25.06.2024

Колоткина Оксана Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования

Уральский государственный экономический университет

ул. 8 Марта, д. 62, г. Екатеринбург, 620144, Россия

E-mail: oks-kolotkina@yandex.ru

Ягофарова Инара Дамировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования

Уральский государственный экономический университет

ул. 8 Марта, д. 62, г. Екатеринбург, 620144, Россия

E-mail: vaina3@yandex.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 3, pp. 55–68

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.3.55-68

Limitation of Human Rights and Freedoms amid New Global Challenges (Lessons from the Pandemic)

O.A. Kolotkina, I.D. Yagofarova***

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, 620144 Russia

E-mail: *oks-kolotkina@yandex.ru, **vaina3@yandex.ru

Received April 20, 2024; Accepted June 25, 2024

Abstract

Globalization has had far-reaching effects on all key spheres of public life, leading to mixed outcomes, both positive and negative. One of the recent global trends is the fast and large-scale spread of viral infections, which has profoundly reshaped the economic landscapes, political environments, and government systems of most states. As the COVID-19 pandemic progressed, governments worldwide were forced to impose unprecedented restrictions that interfered with fundamental human rights, such as the freedom of movement and speech, to curb the virus spread. It sparked rigorous debate among the academic community and practicing lawyers. This article overviews the measures taken by Russia and other states in response to the COVID-19 pandemic. The obtained results highlight the need to legally establish new conceptual frameworks related to disease control, as well as to develop clear legal guidelines on optional and mandatory steps that public authorities should take in order to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population. Therefore, it was concluded that certain legal provisions must be specified to define the grounds and extent to which the rights and freedoms of citizens can be limited in case of viral epidemics.

Keywords: limitation of human rights and freedoms, legal status, pandemic, national security, grounds for limitation of human rights and freedoms

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Agapov A.B. Humanization, or the apology of public coercion. *Administrativnoe Pravo i Protssess*, 2023, no. 5, pp. 11–17. <https://doi.org/10.18572/2071-1166-2023-5-11-17>. (In Russian)
2. Goiman V.I. Principles, limits, and grounds for limiting human rights and freedoms under Russian legislation and international law. *Gosudarstvo i Pravo*, 1998, no. 7, pp. 20–43. (In Russian)

3. Mordovets A.S. Socio-legal mechanism for ensuring human and civil rights. *Doct. Law Diss.* Saratov, 1997. 384 p. (In Russian)
4. Makareiko N.V. Administrative liability in the system of legal liability. *Administrativnoe Pravo i Protssess*, 2019, no. 12, pp. 5–11. (In Russian)
5. Mal'ko A.V. *Stimuly i ogranicheniya v prave* [Incentives and Restrictions in Law]. Moscow, Yurist", 2004. 248 p. (In Russian)
6. Yarkovoi S.V. The concept and main features of administrative law enforcement. *Administrativnoe Pravo i Protssess*, 2017, no. 4, pp. 73–76. (In Russian)
7. Kononov P.I. Modern administrative law in Russia: A systemic and legal assessment. *Rossiiskii Yuridicheskii Zhurnal*, 2018, no. 1, pp. 122–136. (In Russian)
8. Egorova M.A., Duflo A., Shpakovskii Yu.G. Current problems of legal regulation for mitigating the threats posed by the COVID-19 pandemic to the population and business. *Yurist*, 2020, no. 11, pp. 69–74. <https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-11-69-74>. (In Russian)
9. Romanovskii G.B. 2019-nCoV as a hybrid threat to the human rights system. *Konstitutsionnoe i Munitsipal'noe Pravo*, 2020, no. 7, pp. 34–37. (In Russian)
10. Grishchenko T.A., Kogut V.G. Correlation of the concepts of “law” and “freedom” in the context of the study of mechanisms of limitation of constitutional rights during the pandemic. *Gosudarstvennaya Vlast' i Mestnoe Samoupravlenie*, 2022, no. 1, pp. 3–7. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2022-1-3-7>. (In Russian)
11. Poorhashemi A. How the Covid-19 crisis affects individual rights and freedoms. A new crisis in international law? *Global Research*. 2021, Aug. 14. URL: <https://www.globalresearch.ca/global-decline-human-rights-conditions-new-crisis-international-law/5721095>.
12. Lungu E.V. The impact of the coronavirus pandemic on constitutional relations. *Gosudarstvennaya Vlast' i Mestnoe Samoupravlenie*, 2022, no. 5, pp. 3–7. (In Russian)
13. Denisova E.L., Borisova I.D. Limitation of the principle of inviolability of private property during the pandemic: A comparative analysis. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye Kadry*, 2024, no. 1, pp. 17–22. (In Russian)
14. Brezhnev O.V. The issue of “anti-COVID” legal limitations in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Aktual'nye Problemy Rossiiskogo Prava*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 32–39. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.032-039>. (In Russian)
15. Pyankova A.F. Legal grounds for the introduction of measures to prevent the spread of the new coronavirus infection in Russian regions. *Zakon*, 2020, no. 5, pp. 53–59. (In Russian)
16. Agal'tsova M.V., Imanova T.V. kyzy. Self-isolation: Insights into the legality and constitutionality of anti-virus measures. *Zakon*, 2020, no. 5, pp. 60–70. (In Russian)
17. Pavlikov S.G. On limitation of constitutional rights (based on the entrepreneurial activity in the field of digital technologies). *Konstitutsionnoe i Munitsipal'noe Pravo*, 2020, no. 8, pp. 54–55. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-8-54-55>. (In Russian)
18. Grogan J. COVID-19, the rule of law and democracy. Analysis of legal responses to a global health crisis. *Hague Journal on the Rule of Law*, 2022, vol. 14, no. 2, pp. 349–369. <https://doi.org/10.1007/s40803-022-00168-8>.
19. Casals N.T. Covid-19 and states of emergency. *Global Challenges*, 2020, no. 1 (spec. issue: Politics of the coronavirus pandemic), art. 4. URL: https://globalchallenges.ch/issue/special_1/covid-19-and-states-of-emergency.
20. Khabrieva T.Ya. Managing the pandemic crisis using law: The world and Russian experience. *Zhurnal Rossiiskogo Prava*, 2021, vol. 25, no. 2, pp. 5–16. <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.015>. (In Russian)
21. Soboleva E.A. Regional lawmaking in the field of protection of political rights and freedoms: Opportunities and limits. *Konstitutsionnoe i Munitsipal'noe Pravo*, 2022, no. 2, pp. 43–49. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2022-2-43-49>. (In Russian)
22. Shal'berkina M.N. Legal problems with developing and implementing the mechanisms for protection of the constitutional rights of citizens during the COVID-19 pan-

- demic. *Aktual'nye Problemy Rossiiskogo Prava*, 2022, vol. 17, no. 10, pp. 83–89. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.143.10.083-089> (In Russian)
23. Alebastrova I., Rasskazova N., Savel'ev A. et al. Legal results – 2020. *Zakon*, 2021, no. 1, pp. 19–40. (In Russian)
24. Varlamova N.V. The COVID-19 pandemic as a challenge to the constitutional rule of law. *Sravnitel'noe Konstitutsionnoe Obozrenie*, 2020, no. 6 (139), pp. 17–30. <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-6-17-30>. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Колоткина О.А., Ягофарова И.Д. Ограничение прав и свобод человека в условиях новых глобальных вызовов (обобщение опыта пандемии) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 55–68. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.55-68>. ⟩

⟨ **For citation:** Kolotkina M.I., Yagofarova I.D. Limitation of human rights and freedoms amid new global challenges (lessons from the pandemic). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 3, pp. 55–68. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.3.55-68>. (In Russian) ⟩